

В своей практической деятельности работники советских органов дознания и следствия руководствуются указанием В. И. Ленина, который писал: «Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым».¹

Раскрываемость наиболее тяжких преступлений приближается в СССР к 100%. Но все же бывают еще случаи, когда по тем или иным причинам отдельные преступления остаются нераскрытыми. Таких случаев совсем немного, но их не должно быть ни одного.

Эту задачу советские органы расследования решат тем быстрее, чем шире будет помощь, оказываемая им наукой и народом.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАБЫТЫХ ДЕЛ

«Немые свидетели» преступлений существуют с тех пор, как появились сами преступления, но понимать их немую речь научились сравнительно недавно. Хранимые ими тайны преступлений обычно оставались в прошлом для органов расследования недоступными. Лишь изредка в руках опытных следователей и ученых «немые свидетели» открывали свои тайны. В этих случаях с их помощью удавалось раскрыть сложные преступления, изобличить самых хитрых и опасных преступников. Описанные ниже случаи из судебной практики представляют особый интерес. Они в свое время привлекли всеобщее внимание.

В Киеве в 1890 г. произошли одно за другим два убийства, сильно взволновавшие жителей города. Сначала был убит мелочной торговец табаком Мельниченко. Более месяца шли безрезультатные поиски убийцы. В это время произошло второе убийство. Жертвой преступления снова оказался торговец вразнос Кутузов. Скорее всего и на этот раз преступники остались бы не обнаруженными, если бы не одна деталь, изобличившая их. Трупы своих жертв убийцы упаковывали в мешки и отвозили на малолюдные киевские улицы, где оставляли их незаметно для прохожих. При осмотре мешка, в котором были упакованы части трупа Кутузова, следователь заметил ничтожной величины роговую стружку. Ну что, казалось бы, особенного в этой крохотной стружке? Какое значение она имеет? Однако именно эта находка и послужила клю-

чом к раскрытию преступления. Рассматривая роговую стружку, следователь решил выяснить — как она попала в мешок. Может быть, преступник имеет какое-то отношение к производству, связанному с роговой стружкой? Начатые в этом направлении поиски привели к мастерской роговых гребней, принадлежавшей некоему Черепову. Обыски, произведенные в мастерской, дали в руки следственных органов важные улики. Были обнаружены вещи, принадлежавшие убитым. Взглянув на них, Черепов, не дожидаясь вопросов следователя, заявил: «Мой грех». Дальнейшее расследование установило, что в обоих убийствах совместно с Череповым принимал участие его сын.

Второй случай произошел в предреволюционные годы в Петербурге. В одном из домов в Лештуковом переулке было совершено убийство. Труп убитого оказался обезглавленным и обезображенным до неузнаваемости. Близ кровати, на которой лежал труп, находилось аккуратно сложенное платье, рядом стояли ботинки. Осмотр платья показал, что оно было сшито у одного из лучших московских портных, ботинки же оказались простой рыночной работы. Кем и где шилось платье, удалось установить благодаря обнаруженному под подкладкой пиджака кусочку холста с меткой портного. Резкое несоответствие качества предметов заставило предположить одно из двух: либо платье, либо ботинки не принадлежали убитому, а были оставлены с какой-то целью убийцей. Но при примерке ботинки точно пришлись по ногам трупа, а все размеры платья настолько подходили к телу убитого, что казалось, оно только на него и сшито.

Неискушенный человек после этого, пожалуй, отбросил бы возникшее сомнение, на что преступник и рассчитывал. Произошло же наоборот. Сомнение превратилось теперь в уверенность. Преступник упустил из виду, что после смерти отдельные члены тела и все тело вытягиваются вследствие расслабления мышц. По этой причине платье, сшитое по мерке, всегда окажется на трупе короче. Но этой уверенности суждено было пройти еще одно испытание. Некий Константин Гилевич опознал в обезображенном трупе своего брата, инженера Андрея Гилевича. По утверждению К. Гилевича, найденные на месте преступления платье и ботинки принадлежали убитому.

Преступление, может быть, так и осталось бы нераскрытым, если бы не помогла «мелочь». При осмотре ботинок на подошве одного из них обнаружили прилепившийся кусочек воска, а также приставшую к воску красную ворсинку. Это незначительное само по себе обстоятельство и сыграло решающую роль в раскрытии преступления.

Ворсинка свидетельствовала о том, что человек, носивший ботинки, очевидно, пользовался и галошами. Внутри галош в те годы часто укреплялись металлические буквы, обозначавшие инициалы владельца. Если такие буквы имелись в галошах, которые носил владелец ботинок, могло оказаться, что они оставили на каблуках хотя бы слабый оттиск или отпечаток. Набойки на каблуках исследовали с помощью сильных увеличительных средств и обнаружили на них слабо видимые металлические отблески отпечатка буквы П. Этого уже оказалось достаточно для того, чтобы установить действительную личность убитого. Им оказался Павел Подлуцкий, а убийцей — Андрей Гилевич.

Невольно напрашивается вопрос: чем же объяснялась ошибка К. Гилевича, опознавшего в убитом своего брата? Но это «опознание» вовсе не было ошибкой. Оно на самом деле служило эпизодом хитро задуманного и последовательно осуществленного преступления. Сущность его сводилась к следующему. Андрей Гилевич застраховал свою жизнь на очень крупную сумму. После его смерти страховое вознаграждение должен был получить Константин Гилевич. С целью мошеннического получения денег А. Гилевич пошел на убийство своего товарища Подлуцкого. Труп его он умышленно обезобразил до неузнаваемости, а сам скрылся за границу. Теперь оставалось убедить всех в том, что А. Гилевич пал «жертвой преступления». Поэтому появился К. Гилевич и решительно «опознал» труп своего «погибшего» брата. Преступникам казалось, что все предусмотрено и стотысячная премия скоро окажется в их руках. Этому помешали «немые свидетели», разоблачившие преступников.

Третье уголовное преступление, по характеру и по способу раскрытия близкое к первому описанному делу, относится уже к советскому времени.

В начале двадцатых годов на пустынных московских улицах часто стали находить трупы, упакованные в меш-

a

b

Рис. 1. Фотографии студента Поллущкого (*a*) и его обезображенной головы (*b*).

ки. Все они были одинаковым образом связаны: руки отведены назад, а ноги притянуты к животу. Раздробленная голова обмотана тряпками, на шее всегда имелись следы веревочной петли. Все это говорило о том, что эти преступления скорее всего совершает одно и то же лицо. Но кто именно? Нужно было как можно быстрее его найти. Однако сделать это удалось не сразу. Преступник был очень ловок и осторожен. Найти же его помогло одно, казалось бы, незначительное обстоятельство: в нескольких мешках, в которые были упакованы трупы, работники московского угрозыска обнаружили овсяные зерна. Их, естественно, заинтересовало происхождение этой находки. Она могла быть простой случайностью, но могла и свидетельствовать о том, что убийца торгует овсом, занимается извозничьим промыслом и т. п. Началось тщательное расследование всех версий, которые были построены на этом факте. Одна из них и привела к цели — убийца был открыт. Им оказался извозчик Комаров-Петров. Жертвы своих преступлений он выискивал на конном базаре из числа крестьян, приехавших покупать лошадей. Заманив покупателя под предлогом осмотра продающейся лошади к себе домой, Комаров усаживал его за накрытый стол и предлагал «закусить». Затем подходил к сидевшему человеку сбоку и наносил ему два ошеломляющих удара тяжелым молотком в переносицу или в висок. Не ограничиваясь этим, Комаров набрасывал на шею жертвы веревочную петлю и туго затягивал ее, уменьшая таким образом кровотечение и устраняя всякое сомнение в том, что жертва осталась жива. Убедившись в том, что человек мертв, убийца выпускал из трупа кровь и укладывал его в мешок описанным выше способом.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ «НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ну что, казалось бы, могут рассказать окурки, особенно по такому серьезному преступлению, как убийство учительницы Камешовой? ¹ Старая учительница сама ку-

¹ Фамилии потерпевших и обвиняемых в этом и в большинстве следующих рассказов изменены или заменены начальными буквами.

рила и поэтому обнаруженные на месте преступления окурки не были неожиданностью. Правда, по рассказам свидетелей она всегда пользовалась мундштуком, а найденные окурки были измяты зубами и смочены слюной. Но мало ли что могло случиться с мундштуком.

На месте преступления одновременно была сделана и вторая важная находка: на столе обнаружен лист местной газеты «Коммунар», сложенный так, как обычно складывают газету, употребляемую для изготовления папирос. На сгибах газета протерлась, а ее поверхность была загрязнена. Складывалось впечатление, что газетой пользовался человек, у которого руки часто были грязными, скорее всего в связи с его работой. Следовательно Н. П. Афенко понял, что эти находки могут быть серьезными уликами.

Окурки были немедленно направлены на судебно-медицинскую экспертизу для определения группы крови человека, курившего папиросы. Если бы такой вопрос следователь поставил перед экспертом лет сорок назад, он не получил бы на него ответа. В самом деле — как же можно было тогда по окуркам, на которых не имеется ни капли крови, определить ее групповую принадлежность? Но в наши дни это вполне возможно. Еще в 1924 г. ученые сделали открытие, позволяющее установить группу крови при исследовании слюны. Они доказали, что в слюне имеются агглютиногены, дающие возможность определить групповую специфичность, которая соответствует групповой принадлежности крови.

Исследование слюны, имевшейся на окурках, показало, что лицо, курившее папиросы, имеет кровь второй группы (А). Ранее была установлена групповая принадлежность крови у погибшей Камешовой. У нее кровь принадлежала к первой группе (0). Теперь выяснилось, что папиросы курила не она, а кто-то другой. Но кто был этот «другой» — оставалось пока неясным. Предстояла еще долгая и кропотливая работа. За нее следователь и взялся. Он понимал, что если ему удастся найти, кто курил папиросы, это приблизит его к решению главного вопроса — кто убил Камешову.

Наиболее сильное подозрение в совершении убийства падало на некоего Василенко, в прошлом уже имевшего судимость. Камешова с Василенко была знакома, свидетели удостоверяли, что он не раз к ней заходил. Но Васи-

ленко не курил, следовательно, окурки были оставлены не им. А вдруг все-таки на этот раз он курил, вдруг окурки его? После исследования у Василенко крови сомнения отпали. Курил не он. Как и у погибшей учительницы, кровь у Василенко была первой группы (0). Но подозрение против Василенко и после этого осталось. Ряд веских улик свидетельствовал о вполне вероятной причастности его к убийству.

На стеклянной банке, находившейся в квартире Камешовой, оказался пальцевый отпечаток Василенко, на его гимнастерке и полушубке нашлись следы крови. Объяснения, даваемые Василенко, были сбивчивыми и противоречивыми.

Но курил все-таки не он. Возможно, у него был соучастник преступления? Изучая связи и знакомства Василенко, следователь заинтересовался личностью некоего Захарчука, который проживал в деревне, расположенной вблизи той школы, где учительствовала Камешова. Выяснилось, что в дни, предшествовавшие ее убийству, Захарчук занимался малярными работами у Фроловых, живших по соседству с Василенко. Выяснилось и еще одно существенное обстоятельство — Захарчук курил. Когда следователь стал расспрашивать Василенко о Захарчуке, тот неожиданно заявил, что с Захарчуком не знаком и сказать о нем ничего не может. Когда же следователь допросил Захарчука, тот не отрицал знакомства с Василенко.

Почему же Василенко отказывается от этого знакомства? Может быть потому, что Захарчук является его соучастником в убийстве?

Следователь снова занялся окурками. Надо было выяснить, какую группу крови имеет Захарчук. Оказалось, что он имеет вторую группу (A), т. е. ту же самую, что была установлена при исследовании слюны на окурках. Значит, окурки мог оставить он. Но ведь это лишь вероятность и к тому же не слишком большая. Известно, например, что вторую группу крови имеет более трети населения Москвы и Московской области. Укрепить или разрушить эту вероятность могла вторая улика — газета, использовавшаяся для папирос. Следователь приступил к всесторонней проверке этой улики.

Выяснилось, что Захарчук не подписывался на местную газету «Коммунар». Она могла попасть к нему лишь

от других лиц. В поиске их следователь вспомнил о малярных работах, производившихся Захарчуком у соседей Василенко. Они были допрошены и показали, что для оклейки стен давали Захарчуку старые номера газеты «Коммунар».

Получив эти сведения, следователь решил собрать окурки во всех тех местах, где курил Захарчук. Во-первых, они были подобраны в доме и около дома Фроловых, у которых Захарчук производил малярные работы. Но следователь учитывал, что здесь их мог бросить не только Захарчук, но и другие лица. Поэтому он направился в дом к Захарчуку, а затем в гараж, в котором Захарчук постоянно работал. Особенно много хлопот ему доставил осмотр гаража. Уборщица объяснила, что окурков остается много, но вместе с остальным мусором она бросает их в мусорную яму. Пришлось следователю вместе с несколькими помощниками в течение нескольких часов осторожно разгребать мусор, выбирая из него все окурки из газетной бумаги и обрывки газет. В разных местах следователю удалось собрать более сотни окурков. Теперь нужно было их исследовать. В распоряжение эксперта-криминалиста были предоставлены два окурка и газета, обнаруженные на месте убийства, а также все окурки, собранные следователем. Эксперту предстояло решить: 1) не является ли газетная бумага двух окурков, обнаруженных на месте преступления, частью обнаруженной там же газеты «Коммунар» от 29 июля 195. . . года; 2) не являются ли частями той же газеты обрывки от окурков, найденных в гараже, в доме Захарчука и в доме Фролова.

Заключение эксперта оказалось положительным. Он установил, что бумага окурков, обнаруженных на месте убийства Камешовой, а также нескольких окурков, найденных в гараже, в доме Захарчука и в доме Фролова, относятся к одному и тому же листу газеты «Коммунар» от 29 июля 195. . . года.

Так окурки рассказали то, что старательно скрывали люди. Наряду с остальными доказательствами они замкнули цепь косвенных улик, изобличивших убийц Камешовой.

Исследование вещественных доказательств часто требует колоссального труда, но зато тем, кто этот труд затратил, они особенно охотно раскрывают свои тайны.

Так случилось и в деле П., которое расследовал следователь т. Толстобров. Вскоре после Великой Отечественной войны в одном населенном пункте были убиты два человека, убийца скрылся. Очевидцев происшествия найти не удалось. В этих условиях «немые свидетели» преступления приобрели решающее значение. Но их было очень мало. На месте происшествия нашли лишь три деформированных пули, пять гильз, коробку от папирос «Темпы» и двенадцать окурков. Больше ничего не было обнаружено. Три месяца следователь пытался распутать узел преступления, но оно продолжало оставаться все таким же неясным.

Тем не менее следователь не сдавался. Больше всего надежд он возлагал на гильзы, так как знал, что при стрельбе на них остаются следы, индивидуальные для каждого пистолета. Гильзы были направлены эксперту-криминалисту Р. А. Кентлеру. Изучив их, эксперт установил, что все они имеют характерные следы от патронного упора и от боя ударника. Но ведь этого мало. Надо было еще эти признаки сравнить с аналогичными признаками на гильзах, выстреленных из подозреваемого оружия. А его как раз и не было. Но и это не обескуражило следователя. Он взялся за упорные поиски оружия. Эксперт дал заключение, что все найденные пять гильз выстрелены из одного и того же экземпляра пистолета системы «ТТ». Это значительно сузило круг поисков. Следователь теперь интересовался только пистолетами «ТТ», а на пистолеты других систем больше не обращал внимания.

Удалось установить, что в ближайших к месту происшествия населенных пунктах 348 человек имели пистолеты системы «ТТ». Это было нелегко сделать, но еще труднее оказалось организовать отстрел из этих пистолетов. Однако при помощи штаба воинского соединения, дислоцировавшегося вблизи, была решена и эта задача. На экспертизу было представлено 696 гильз, каждая из которых была завернута в бумагу с указанием владельца пистолета, номера пистолета и года его изготовления.

Теперь настала трудная пора для эксперта. Действуя методом исключения, он среди всех гильз должен был найти такую пару, следы от патронного упора и от боя ударника на которых имели бы такие же особенности, как и соответственные следы на гильзах с места проис-